

Посвящается Мамо и Папо — моим личным
хиллбилли-терминаторам

Введение

Меня зовут Джей Ди Вэнс, и начать стоит с признания: я считаю существование книги, которую вы держите в руках, абсурдом. На обложке написано, что это мемуары, но мне всего тридцать один год, и я первым готов признать, что в своей жизни не совершил ничего выдающегося — ровным счетом ничего, что заставило бы людей заплатить за возможность обо мне прочитать. Самое неординарное, что я сделал, — я окончил Йельскую школу права, хотя в тринадцать лет об этом не смел даже мечтать. Однако каждый год Йель выпускает двести новых юристов, и уж поверьте, вам про их жизнь читать неинтересно. Я не сенатор, не губернатор и не бывший секретарь кабинета министров. Я не основатель компании с миллиардными оборотами и не глава фонда. Все, что у меня есть — это хорошая работа, чудесная жена, уютный дом и две собаки.

Книгу я написал вовсе не потому, что совершил нечто выдающееся. Я добился чего-то совершенно обычного, но недостижимого для людей с таким происхождением. Я родился в Ржавом поясе*, в крохотном сталелитейном

* Ржавый пояс, он же Индустриальный или Фабричный — регион США, где в конце XIX — начале XX века сосредоточилась американская тяжелая промышленность, в частности сталелитейное производство и добыча угля. Включает в себя центральную часть штата Нью-Йорк, штаты Пенсильвания, Огайо, Индиана,

городке штата Огайо, где, сколько себя помню, процветали безработица и нищета. С родителями отношения были, мягко говоря, непростыми; тем более что один из них практически всю жизнь боролся с пагубной привычкой. Воспитывали меня бабушка и дедушка, не получившие в свое время даже школьного образования; и вообще, мало кому из нашего семейства посчастливилось учиться хотя бы в колледже. Статистика показывает, что у таких, как я, будущее весьма печально: кто не угодит в лапы социальной опеки, умрет от передозировки героином — что, собственно, и произошло с десятком человек в моем родном городе за один лишь прошедший год.

Мне была уготована такая же судьба. Я едва не бросил школу и почти поддался пагубному настрою, характерному для окружающих. Сегодня люди смотрят на меня — обладателя достойной работы и диплома Лиги плюща — и считают кем-то вроде гения: мол, такого могла добиться только выдающаяся личность. При всем уважении скажу: это — полнейшая чушь! Все свои таланты я растратил бы впустую, если бы не титанические усилия нескольких близких мне человек.

В этой книге реальная история моей жизни. Я хочу, чтобы вы знали, каково это — разочароваться в себе и как с этим бороться. Чтобы представляли, что происходит в жизни бедняков и как духовная и материальная нищета сказывается на психическом состоянии

Мичиган и Иллинойс. Начиная с 1970-х годов, после упадка промышленности и закрытия большинства заводов, регион находится в глубоком экономическом кризисе. — *Здесь и далее прим. пер.*

их детей. Хочу, чтобы поняли, какой «американскую мечту» видят такие, как я и мои близкие, осознали, что чувствует человек, поднимаясь вверх по социальной лестнице. И чтобы поняли одну вещь, которую я и сам узнал лишь недавно: даже если тебе посчастливится осуществить «американскую мечту», бесы прошлого всегда будут тебя преследовать.

Моя история касается и вопроса этнического происхождения. В нашем толерантном обществе расу обозначают, как правило, лишь по цвету кожи — «темнокожий», «азиат», «белый»... Обычно таких широких категорий достаточно, но для лучшего понимания вам придется вникнуть в некоторые детали. Пусть я белый, но я не отношу себя к числу американцев англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания, которые живут на северо-востоке страны. Я считаю себя белым американцем из рабочего класса ирландского и шотландского происхождения. Для таких людей бедность — семейная традиция. Их предки сперва были поденными рабочими на рабовладельческом Юге, затем издольщиками, а позднее, ближе к нашему времени, шахтерами, машинистами и столярами. Американцы называют их «хиллбилли», деревенщиной и «белым быдлом». Для меня они родня, друзья и соседи.

Шотландцы и ирландцы — уникальная этническая группа в США. Как отметил один наблюдатель, «путешествуя по Америке, я поражался тому, сколь стойка и неизменна региональная культура шотландцев и ирландцев. Их семейная иерархия, религия, политика, а также социальная жизнь остаются неизменными на протяжении многих лет, в то время как

остальные этнические группы повсеместно отказываются от своих традиций»¹. Это уникальное отношение к культурным ценностям имеет немало преимуществ: например, нам свойственно сильное чувство верности, мы преданы семье и государству. Однако есть в нем и немало недостатков. Мы не любим посторонних, всех, кто от нас отличается. Не важно, в чем разница — во внешности ли, в поведении или в манере разговора. И я по сути самый настоящий шотландско-ирландский хиллбилли.

Этническая принадлежность — лишь одна сторона медали; другая — география этого региона. Когда первая волна переселенцев из Ирландии и Шотландии в XVIII столетии высадилась на земли Нового Света, местом своего обитания они выбрали горы Аппалачи. Эта территория огромна — она простирается от Алабамы и Джорджии на юге до Огайо и Нью-Йорка на севере, — но, невзирая на масштабы, обычаи и культура местного населения удивительно похожи. «Хиллбилли», «парнями с холмов», зовет себя не только моя семья из восточного Кентукки; о них же в своем сельском гимне «И деревенский парень может выжить» поет Хэнк Уильямс-младший*, родившийся в Луизиане и живущий в Алабаме. Когда наш регион сме-

* Хэнк Уильямс-младший (род. в 1949) — американский певец и музыкант. Начиная карьеру с подражания отцу, который считается «родителем современной музыки кантри», теперь поет в смешанном стиле, сочетающем черты южного рока, блюза и традиционного кантри. Его хит «A Country Boy Can Survive» («И деревенский парень может выжить») был выпущен как сингл в январе 1982 года и занял вторую строчку в списке самых популярных кантри-хитов журнала «Биллборд».

нил политические пристрастия, отдав после Никсона предпочтение республиканцам, то политический курс пришлось изменить всей стране. И именно в Аппалачах судьба белого рабочего класса выглядит наиболее удручающей. Низкий уровень социальной мобильности, большое количество разводов, огромный процент бедных и наркомания — все это делает мой дом обителью нищеты.

Поэтому неудивительно, что мы не отличаемся особым оптимизмом. По результатам опросов белые представители рабочего класса — это самый пессимистично настроенный слой населения в Америке. Пессимизмом мы превосходим даже эмигрантов из Латинской Америки, которые живут в беспросветной нищете, и темнокожих, чьи возможности по-прежнему не идут ни в какое сравнение с перспективами белых. Хиллбилли глядят в будущее с еще большей тоской, нежели прочие этнические группы, куда более обездоленные, чем мы, потому что у нашего уныния есть и другие причины.

Мы больше прочих стремимся к социальной изоляции и приучаем обособливаться своих детей. У нас другая религия: наши проповеди строятся на грубой эмоциональной риторике, которая не предлагает социальной поддержки, необходимой детям из нищих семей. Многие из нас бросают работу и отказываются переезжать в более перспективный район, чтобы улучшить материальное положение. Наши мужчины повсеместно испытывают тяжелый психологический кризис, поскольку сама культура прививает нам убеждение, что добиться успеха в этом изменчивом мире практически невозможно.

Когда я рассказываю кому-нибудь о бедственном положении своего окружения, то часто слышу в ответ: «Конечно, перспективы белого рабочего класса не столь радужны, Джей Ди, только ты уж определись, что появилось раньше: курица или яйцо. Да, эти люди чаще разводятся, реже женятся и вообще менее счастливы — но все потому, что у них очень ограничены экономические возможности. Получи они достойную работу — и жизнь во многом станет лучше».

Когда-то в юности я и сам придерживался подобного мнения. Плохо, когда у тебя нет работы, и еще хуже — когда нет денег. Производственный сектор Среднего Запада понемногу приходил в упадок, и белый рабочий класс терял экономическую стабильность, а вместе с нею и дома с семьями.

Однако с опытом пришло понимание, что причина всему не только экономика. Несколько лет назад, когда я готовился поступать в Йельскую школу права, я искал работу, чтобы скопить средства на переезд в Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Один знакомый предложил место в его небольшой фирме по продаже напольной плитки. Плитка — материал весьма увесистый, каждая штука весит от трех до шести фунтов, и упаковывают ее в ящики по восемь — двенадцать штук. Мои обязанности заключались в том, чтобы грузить ящики в транспортировочные поддоны и готовить их к перевозке. Работа была тяжелой, но платили за нее тринадцать долларов в час, а мне очень нужны были деньги, поэтому я охотно согласился и даже набрал побольше сверхурочных смен.

В фирме помимо меня работало еще человек десять, многие не первый год. У одного парня была и другая

работа, но не потому что он нуждался в деньгах — просто копил средства, чтобы исполнить давнюю мечту и выучиться на пилота. Зарплата тринадцать долларов в час для нашего города считалась весьма достойной; аренда приличного жилья обходилась тогда в пятьсот долларов в месяц. Кроме того, фирма понемногу росла, и работник, продержавшийся несколько лет, зарабатывал уже не меньше шестнадцати долларов в час, что обеспечивало годовой доход в тридцать две тысячи, то есть сумму, которая в условиях упадка экономики превышала черту бедности даже для целого семейства. Тем не менее компания никак не могла найти на склад постоянных работников. Вместе со мной там было всего три человека, из которых я в свои двадцать шесть оказался самым старшим.

Один парень, назовем его Боб, пришел за пару месяцев до моего ухода. Ему было девятнадцать, и его подруга недавно забеременела. Девушке пошли навстречу и предложили ей должность в администрации — отвечать на телефонные звонки. Работники из обоих оказались неважнецкие. Девушка через день прогуливала и не считала нужным предупреждать начальство. Ее не раз отчитывали, но избавляться от этой дурной привычки она не спешила, поэтому спустя несколько месяцев ее уволили. Сам Боб примерно раз в неделю тоже не выходил на смену и постоянно опаздывал. Кроме того, по три-четыре раза на дню он мог отойти в туалет и пропасть на целых полчаса, если не больше. Я с другим напарником даже придумал игру: засекал время, когда Боб уходит, и громко, на весь склад оглашать, сколько он уже отсутствует: «Тридцать пять минут!», «Сорок пять!», «Час!».

Разумеется, Боба тоже уволили. Получив уведомление, он принялся орать на менеджера: «Да как вы смее-те?! Вы что, забыли, у меня скоро родится ребенок!» И такое поведение позволял себе не он один. За те несколько месяцев, что я проработал на складе, с позором выгнали еще двоих человек, включая двоюродного брата Боба.

Подобные истории надо учитывать, когда говоришь о «равных возможностях». Лауреаты Нобелевской премии в области экономики обеспокоены упадком промышленности на Среднем Западе и истощением экономического ядра в среде белого рабочего класса. Речь о том, что производство все чаще перемещается за границу и людям со средним образованием труднее найти работу, не требующую высокой квалификации. Однако моя книга о другом — о том, что происходит в жизни реальных людей, когда индустриальная экономика идет на спад. О том, что на плохие обстоятельства можно реагировать по-разному, порой выбирая наихудший из всех возможных вариантов. Речь будет идти о том, что социальная культура все сильнее поощряет социальный распад, вместо того чтобы ему противодействовать.

Проблемы, с которыми я столкнулся во время работы на складе, лежат в куда более глубоких сферах, нежели макроэкономические тенденции и политика. Слишком многие молодые люди не готовы к тяжелой работе. Хорошие вакансии пустуют на протяжении долгих месяцев. Парень, которому надо бы держаться за любую должность, потому что у него на попечении молодая жена и скоро будет ребенок, с легкостью бросает приличную работу с медицинской страховкой. А хуже всего то, что винит он окружающих. Это вопрос недостатка

воли: когда у тебя есть ощущение, что ты плохо контролируешь свою жизнь, возникает желание винить кого угодно, лишь бы не себя. И картина эта кардинально отличается от экономического ландшафта всей современной Америки.

Стоит отметить, что, хотя пишу я лишь об ограниченном круге людей, которых знаю лично — о представителях белого рабочего класса из Аппалачей, — я вовсе не пытаюсь доказать, будто они заслуживают большего сочувствия, чем кто-либо другой. Мой рассказ вовсе не о том, что у белых больше причин для жалоб, чем у темнокожих или представителей других рас. Я надеюсь, что читатели моей книги поймут, как классовое происхождение и семья влияют на сознание бедного человека независимо от его расовой принадлежности. У многих аналитиков термины вроде «королева пособий»* ассоциируются с образом ленивой чернокожей мамы, живущей на выплаты по безработице. Читатели книги быстро убедятся, что этот образ весьма условный: я знал немало «королев пособий», которые жили со мной по соседству, и все они были белыми.

Эта книга не претендует на звание научного исследования. За последние несколько лет Уильям Джулиус Уилсон, Чарльз Мюррей, Роберт Патнэм и Рэй Четти уже опубликовали немало трактатов, в которых показано снижение вертикальной мобильности. Оно началось

* «Королева пособий» — термин, которым в США обозначают женщин (чаще всего матерей-одиночек), путем мошенничества получающих многочисленные социальные выплаты и живущих исключительно за их счет. Начал употребляться в СМИ с 1974 года.

в 1970-е годы и в некоторых регионах продолжается по сей день (сенсация: в Аппалачах и Ржавом поясе самые низкие показатели!). Многие признаки этого феномена я наблюдал собственными глазами. Я мог бы поспорить с некоторыми выводами ученых, но в любом случае они убедительно доказывают, что эта проблема в американском обществе есть. И хотя я порой все-таки буду опираться на их данные и ссылаться на научные исследования, моя задача — не убедить вас в существовании проблемы; моя цель — рассказать правдивую историю о том, каково это — родиться и жить с таким камнем на шее.

Я не могу обойтись без персонажей, которые окружали меня на протяжении многих лет. Перед вами мемуары не личные, а семейные: история подъема по социальной лестнице глазами нескольких хиллбилли из Аппалачей. Два поколения назад мои бабка с дедом были парочкой влюбленных бедняков. В надежде спастись от нищеты они поженились и переехали на север. Их внук (то есть я) окончил одно из престижнейших учебных заведений мира. Это если в двух словах. Более подробная версия истории — в следующих главах.

В некоторых случаях я буду изменять имена людей, чтобы не раскрывать подробности их личной жизни, но в целом моя история представляет собой точную летопись того, что я наблюдал собственными глазами. В ней нет вымышленных персонажей и моих субъективных оценок. Там, где это возможно, я подтверждаю свои слова деталями, ссылаясь на таблицы успеваемости, цитаты из писем, подписи к фотоснимкам; хотя, конечно же, у меня встречаются и ошибки, потому что человеческая память не совершенна. Был случай, когда я попросил

сестру прочитать один из черновиков, и у нас завязалась долгая дискуссия о хронологическом порядке некоторых событий. Правда в итоге я оставил свою версию, но не потому что сомневаюсь в сестре (ее память будет лучше моей), а потому что, на мой взгляд, читателю удастся извлечь более ценный урок из того, как я выстроил эти события у себя в голове.

Я отнюдь не беспристрастный наблюдатель. Почти каждый человек, которого вы встретите на страницах книги, совершил немало грехов. Одни чуть было не стали убийцами — помешала лишь случайность. Другие физически и эмоционально измывались над детьми. Третьи злоупотребляли (и продолжают злоупотреблять) наркотиками. Но все эти люди мне близки — даже те, с кем я ни за что не стану больше общаться, будучи в здравом рассудке. Если у вас вдруг сложится впечатление, что меня окружали исключительно негодяи, то мне будет очень жаль: и вас, и тех, кого я описал. Потому что в моей книге злодеев нет. Есть лишь разношерстная компания хиллбилли, которые отчаянно пытались найти в этой жизни местечко получше — не только себе, но и, храни их Господь, мне.

Содержание

Введение	6
Глава первая	17
Глава вторая	30
Глава третья	47
Глава четвертая	56
Глава пятая	72
Глава шестая	93
Глава седьмая	114
Глава восьмая	132
Глава девятая	142
Глава десятая	168
Глава одиннадцатая	196
Глава двенадцатая	216
Глава тринадцатая	229
Глава четырнадцатая	244
Глава пятнадцатая	256
Заключение	270
Благодарности	280
Примечания автора	284